

Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода

Д.О. Добровольский

1. Данная статья представляет предварительные результаты исследования, осуществляемого в Австрийской академии наук в Вене в рамках проекта "Корпус Австрийской Академии" (Austrian Academy Corpus – AAC). Речь идет о создании и использовании для решения определенных лингвистических задач русско-немецкого корпуса, основанного в своей пилотной фазе на романе Ф.М. Достоевского "Идиот" и его немецких переводах. Существует более 20 переводов этого романа на немецкий язык (см. приложение); таким образом, материал, представленный в корпусе, дает возможность не только изучать стандартные лексические и синтаксические соответствия между двумя языками, но и анализировать путем сопоставления различных переводов принципы, лежащие в основе той или иной переводческой стратегии.

Из доступных переводов "Идиота" для включения в корпус отобраны три: два последних по времени – перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э.К. Разин, изданный в начале XX века и затем многократно переиздававшийся (работа над этим компонентом корпуса еще не закончена). Каждый из переводов последовательно согласовывался с оригиналом на уровне отдельных предложений. Выравнивание только на уровне абзацев (представляющее собой в принципе вполне допустимый способ выравнивания сопоставляемых текстов) в данном случае привело бы к неудовлетворительным результатам, поскольку средняя длина абзаца в романе весьма значительна. Таким образом, основная задача, которую предстояло решить для адекватного выравнивания, состояла в разбивке текста на предложения по определенным принципам, единым для оригинала и переводов.

2. Основной сложностью перевода художественных произведений прошлого является, по-видимому, проблема передачи нестандартных особенностей соответствующих текстов. Прежде чем решить, с помощью каких языковых средств могут быть переданы те или иные конкретные места оригинала, переводчик должен уяснить для себя, ориентируется ли он на язык эпохи создания текста или на современный язык. Обращаясь к обсуждаемой ситуации, можно сформулировать эту дилемму следующим образом. Переводя «Идиота» на немецкий язык, переводчик должен понять, создает ли он текст, который будет восприниматься немецким читателем так же, как «Идиот» воспринималась современниками Достоевского или так, как он воспринимается сегодняшним носителем русского языка (ср. близкую по проблематике работу Гак 1999). В этом смысле можно говорить о различных переводческих стратегиях, анализ которых является нетривиальной лингвистической задачей.

В работах по теории перевода среди прочего выделяется **коммуникативный** и противопоставленный ему по ряду параметров **филологический** перевод, называемый также "документальным" (Reiß 1995: 21-23). Коммуникативный перевод является самым распространенным типом. Это, так сказать, "нормальный" перевод, т.е. перевод, преследующий цель донести до адресата содержание исходного сообщения на языке L₁ средствами, максимально соответствующими нормам языка L₂.

Цель **филологического** перевода, сформулированная Ф. Шлейермахером еще в первой половине XIX века в рамках герменевтической традиции, состоит в том, чтобы максимально "приблизить читателя к автору" (Schleiermacher 1838). Если при этом

порождается текст, изобилующий чуждыми реалиями, непривычными образами и даже определенными нарушениями узуальных конвенций языка L_2 , это рассматривается скорее как достоинство, нежели как недостаток, так как утверждается, что высшим критерием качества перевода является верность авторскому стилю и сохранение художественных особенностей оригинала. Известными поборниками филологического перевода были Х. Ортега-и-Гассет и В. Набоков. Естественно, что сферой применения филологического перевода оказываются исключительно художественные тексты, в особенности “канонизированные” литературные памятники.

Противопоставление коммуникативного и филологического переводов коррелирует с другой известной по специальной литературе оппозицией, а именно: covert vs. overt translation. Covert translation – это перевод, построенный так, чтобы читатель не ощущал, что перед ним не оригинальный текст, а перевод с другого языка. Overt translation – это такой текст на языке L_2 , по которому видно, что он переведен с другого языка.

Если при переводе художественной прозы Достоевского выбирается стратегия коммуникативного перевода (или близкая по целям стратегия covert translation), проблема передачи нестандартных особенностей текста оказывается неактуальной, так как цель перевода – построить максимально естественный текст на языке L_2 , в данном случае на немецком. При филологическом переводе (или при overt translation) должны быть найдены языковые средства, соответствующие особенностям русского оригинала. То, что это невероятно сложная задача, не подлежит сомнению. Но полный отказ от учета нестандартных особенностей текста приводит к искажению стилистики повествования, а в некоторых случаях даже к смысловым сдвигам. Видимо, при переводе столь известных и культурно значимых произведений, как «Идиот», ориентация на чисто коммуникативные стратегии неприемлема, так как в результате порождается совершенно другой текст с аналогичным сюжетом (ср. Zuschlag 2002).¹

При переводе выражений, отклоняющихся от норм современного узуса, возникает дополнительная трудность. Современники Достоевского, по-видимому, воспринимали тексты его произведений иначе, чем мы это делаем сегодня. Многие из того, что оценивается современным читателем как отклонение от нормы, было узуально допустимым (ср., например, такие словосочетания, как *брать меры, понимать себе цену, очень замечательный*). В принципе среди нестандартных выражений следует различать языковые структуры, соответствующие нормам того времени, и структуры, воспринимаемые современниками Достоевского как значимые отклонения от узуса. Последние должны обязательно учитываться при переводе, в то время как первые могут игнорироваться. Теоретически подобные соображения должны приниматься во внимание. Однако для последовательной реализации переводческих стратегий, ориентированных на подобные цели, необходимы глубокие предварительные исследования. Следует знать, какие элементы текста воспринимались современниками Достоевского как стандартные и нейтральные, какие вызывали дополнительные ассоциации, а какие (возможно, будучи стандартными сегодня) относились к области нестандартного употребления языка.² Далее, в языке L_2 должны быть найдены соответствующие параллели. Подобная задача настолько трудновыполнима, что ее можно оставить за рамками обсуждения.

Сопоставляя две базовые стратегии перевода, важно иметь в виду, что различия между ними носят градуальный характер. Трудно себе представить перевод известного художественного текста прошлого, ориентирующийся исключительно на

¹ Впрочем, на этот счет существует и другая точка зрения, ср., например, (Wirth 1997: 176).

² Работа над созданием Словаря Достоевского, осуществляемая в Институте русского языка РАН под руководством Ю.Н. Караулова, приближает нас к решению этой задачи. Тем не менее, в данный момент однозначные ответы на подобные вопросы получить не удастся.

"коммуникативные" или же "филологические" установки. Тем не менее, вполне возможно проследить определенные тенденции, что в свою очередь позволяет выдвигать осмысленные гипотезы о влиянии культурно-исторического контекста на предпочтение той или иной переводческой стратегии. Для этого сначала необходимо предложить некие релевантные для соответствующих типов перевода лингвистические параметры. Иными словами, прежде чем попытаться ответить на интересующий как литературоведов, так и специалистов по теории перевода вопрос, почему один и тот же текст переводился в разные периоды столь различными способами и как это связано с теми или иными общекультурными установками, необходимо выработать критерии, позволяющие отнести каждый конкретный перевод к соответствующему типу. При этом необходимо иметь инструмент, позволяющий осуществлять быстрый поиск искомой информации и одновременное обращение к нескольким переводам в их сопоставлении с оригиналом, поэтому предпосылкой для решения подобных задач и получения эмпирически достоверных результатов является наличие корпусов параллельных текстов, включающих наряду с текстом оригинала, по меньшей мере, два его перевода на L_2 .

Представляется возможным (по крайней мере, в качестве рабочей гипотезы) определить для каждого литературного текста некоторые "реперные точки" – структуры, которые по своей природе требуют от переводчика нетривиальных решений. В подобных случаях переводчик должен выбрать между "очужденной" версией (т.е. в принципе понятной читателю, но нарушающей узуальные нормы языка L_2) и "искажающей" версией (соблюдающей узуальные нормы языка L_2 , но отклоняющейся от оригинала). Мы предлагаем следующие "реперные точки" в качестве диагностических ориентиров при оценке доминирующей стратегии перевода:

1. нестандартное употребление лексических единиц, нарушение существующих норм сочетаемости;
2. нерегулярные синтаксические конструкции;
3. лексические единицы, особенно часто употребляемые данным автором (излюбленные слова);
4. коллокации и типичные для данного автора (большой частью, несвободные) словосочетания;
5. идиомы и конвенциональные метафоры;
6. авторские метафоры;
7. культурно-специфичные элементы, в том числе личные имена, титулы, формы обращения и т.п.

3. Приведем примеры, иллюстрирующие некоторые из предлагаемых диагностических точек. Выражение *врать пустяки* в контексте (1) является нестандартным с точки зрения существующих сегодня норм сочетаемости.

- (1) - *Не ври пустяков*, - строго сказала Варя, которая и с князем говорила весьма сухо и только что разве вежливо.

Сочетание *врать пустяки* в современном русском языке невозможно, поскольку глагол *врать* употребляется сегодня только в значении 'говорить неправду, лгать', соответственно является непереходным и в принципе не может управлять существительными типа *пустяки*.

Естественно, в подобных случаях от перевода трудно ожидать буквального воспроизведения лексической структуры выражения, использованного в оригинале. И в

(2) и в (3) переводчики предлагают приемлемые с точки зрения современного немецкого узуса решения.

- (2) ”*Rede nicht solchen Unsinn*“, sagte Warja streng. Sie sprach auch mit dem Fürsten in einem sehr sachlichen, gerade noch höflich zu nennenden Ton. [Herboth 1986]
(3) ”*Mach keine dummen Witze*“, sagte Warja streng, die auch mit dem Fürsten sehr trocken und gerade noch höflich gesprochen hatte. [Geier 1996]

Интересно при этом, что выражение *врать пустяки* интерпретируется в (2) и (3) несколько по-разному. Выражение *rede nicht solchen Unsinn* (приблизительно соответствующее русскому *не говори ерунды*), использованное в (2), не вполне синонимично выражению *Mach keine dummen Witze* (\approx *оставь свои глупые шутки*), использованному в (3). В первом случае фокусируется идея бессмысленности высказываний собеседника, во втором – идея их несерьезности.

4. Приведем пример на перевод коллокаций. Коллокации представляют собой наиболее чистый случай лексической сочетаемости, т.е. сочетаемости слов, не (полностью) мотивируемой их значениями и, соответственно, не выводимой из их толкований (ср. Апресян 1974). Коллокации не только противятся варьированию своих компонентов, но и часто сохраняют в своем составе уникальные элементы, например: *радость обуюла, закадычный друг, заклятый враг, проливной дождь* (ср. подробнее Баранов, Добровольский 1996). Уникальность периода, к которому относятся рассматриваемые здесь тексты, состоит в том, что нормы лексической сочетаемости, в том виде, в каком они известны сегодня, находились в процессе становления. Большинство коллокаций, встречаемых в текстах того времени, видимо, являлись непосредственными кальками с французского. Многие из них сохранились в этом виде до наших дней, другие модифицировались; ср. (4).

- (4) Так как и сам Тоцкий *наблюдал* покамест, по некоторым особым обстоятельствам, чрезвычайную *осторожность* в своих шагах и только еще сондировал дело, то и родители предложили дочерям на вид только еще самые отдаленные предположения.

Сегодня говорят не *наблюдать осторожность*, а *соблюдать осторожность*. Интересно, что глагол *наблюдать* в целом встречался в текстах XIX века в составе коллокаций существенно чаще, чем сегодня. В подобных случаях этот глагол употреблялся в значении ‘соблюдать, следовать’, которое зафиксировано, например, в “Словаре языка Пушкина”. Интересно, что французский глагол *observer*, который, видимо, и лег в основу соответствующих коллокаций, сохранил сегодня оба значения ‘наблюдать’ и ‘соблюдать, следовать’ (ср. подробнее Добровольский 2001). В переводах Хербота (5) и Гайер (6) нетривиальные особенности коллокации оригинала не сохранились.

- (5) Da jedoch Tozki selbst, gewisser besonderer Umstände wegen, vorerst nur sehr *behutsame Schritte unternahm* [буквально: *предпринимал осторожные шаги*] und zunächst noch sondierte, äußerten sich auch die Eltern vor ihren Töchtern nur in vagen Andeutungen. [Herboth 1986]
(6) Da Tozkij selbst auf Grund ganz besonderer Umstände außerordentlich *vorsichtig vorging* [буквально: *действовал осторожно*] und die Verhältnisse einstweilen bloß sondierte, stellten auch die Eltern ihren Töchtern einstweilen nur die allerentferntesten Möglichkeiten in Aussicht. [Geier 1996]

Как и в описанном выше случае (1-3), здесь трудно ожидать, чтобы нестандартные для современного узуса коллокации переводились буквально (ср. также Biber, Breiteneder, Dobrovolskij 2002). Дословный или близкий к дословному перевод элементов текста, изменивших свое значение, и тем более компонентов устойчивых словосочетаний, в большинстве случаев приводит к неадекватным результатам. Наблюдение над различными способами перевода нестандартных коллокаций интересно скорее с точки зрения выбора из числа альтернатив, предоставляемых современным узусом L₂. каждый из альтернативных способов перевода фокусирует тот или иной аспект высказывания; так *behutsame Schritte unternehmen* существенно отличается от *vorsichtig vorgehen*. В первом случае ситуация представляется как набор последовательных действий, ведущих к достижению цели, а во втором – как способ поведения в целом, что, видимо, в большей степени соответствует смыслу русского выражения *наблюдать осторожность*.

Хотя понятно, что удачные примеры дословного перевода подобных коллокаций крайне редки и возможны только благодаря более или менее случайным параллелям в развитии сопоставляемых языков, в данном конкретном случае мы как раз имеем дело с подобным исключением. В принципе возможен и буквальный перевод глагола *наблюдать* в составе соответствующих коллокаций, т.е. его перевод с помощью немецкого глагола *beobachten* (так же, как и русский глагол *наблюдать* не имеющий сегодня значения 'соблюдать, следовать'). В "Пиковой даме" встречается коллокация *наблюдать этикет*; ср. *У себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет*. В переводе Кая Боровского лексический состав этой коллокации полностью сохранен (*Sie empfing bei sich die ganze Stadt und beobachtete streng die Etikette*), что возможно, поскольку немецкий глагол *beobachten*, употребляющийся сегодня в значении 'наблюдать', в XIX веке употреблялся и в составе коллокаций, являвшихся кальками французских выражений в глаголом *observer*.

5. В заключение приведем пример анализа различных способов перевода идиом. Ср. контекст (7).

- (7) Она всю жизнь будет меня за *валета бубнового* считать (да это-то ей, может быть, и надо) и все-таки любить по-своему; она к тому готовится, такой уж характер.

Практически забытое сегодня идиоматическое выражение *бубновый валет* употреблялось в XIX веке в значении 'плут, мошенник'. Это значение было вполне актуально еще и в начале XX века. Представители известного объединения художников "Бубновый валет" возводили его название именно к этому идиоматическому значению. С точки зрения перевода подобные случаи особенно интересны, так как в принципе здесь возможны оба типа перевода: как буквальный, так и "объяснительный". "Объяснительный" перевод, т.е. перевод "по смыслу", реализующий "коммуникативную" стратегию, обеспечивает беспрепятственное понимание соответствующего выражения современным читателем, но теряет специфические особенности авторского стиля. Ср. (8), где идиома *бубновый валет* переведена как *mieser Gauner* 'подлый мошенник'.

- (8) Sie wird mich zeit ihres Lebens für einen *miesen Gauner* halten (das braucht sie vielleicht) und mich dennoch auf ihre Weise lieben; darauf stellt sie sich ein, das liegt in ihrem Charakter. [Herboth 1986]

Буквальный перевод (9) представляется в данном случае также вполне допустимым, так как смысл высказывания понятен из контекста, а стремление к сохранению способа его выражения, необычного с точки зрения современного узуса, соответствует идеалам "филологической" стратегии, на которую в целом и ориентирован перевод Светланы Гайер. Кроме того, вполне вероятно, что и немецкое выражение *Karo-Bube* употреблялось в прошлом в значении 'плут, мошенник', так как эта интерпретация соответствующей игровой карты была известна во французской культуре, оказавшей влияние как на русскую, так и на немецкую культуру.

- (9) Ihr Leben lang wird sie mich für einen *Karo-Buben* halten (aber vielleicht ist es genau das, was sie braucht) und mich trotzdem auf ihre Art lieben; sie stellt sich schon darauf ein, das ist eben ihr Charakter. [Geier 1996]

Подобные наблюдения, будучи интересными и сами по себе, могут претендовать на некий обобщающий статус в рамках теории перевода только в том случае, если будут основываться на сплошном анализе всего текста, что технически возможно только при работе с электронными корпусами параллельных текстов. В рамках проекта предполагается продолжить исследования в этом направлении.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания, № 5, 1996, 51-64.
- Гак В.Г. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2, 1999, 18-29.
- Добровольский Д.О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении, № 1, 2001, 161-178.
- Biber H., Breiteneder E., Dobrovolskij D. Corpus-Based Study of Collocations in the AAC // A. Braasch and C. Povlsen (eds.). Proceedings of the Tenth EURALEX International Congress, Vol. 1. Copenhagen: Center for Sprogteknologi (CST), 2002, 85-95.
- Reiß K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen. Hrsg. v. M. Snell-Hornby und M. Kadric. Wien, 1995.
- Schleiermacher F.D.E. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens // Friedrich Schleiermacher's sämtliche Werke. Dritte Abtheilung. Zur Philosophie, Zweiter Band, Berlin, 1838, 207-245.
- Wirth D. Zu Swetlana Geiers Neuübersetzung von F.M. Dostoevskijs Roman "Der Idiot". In: Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Nr. 40, 175-189.
- Zuschlag K. Narrativik und literarisches Übersetzen. Erzähltechnische Merkmale als Invariante der Übersetzung. Tübingen, 2002.

Приложение

Немецкие переводы "Идиота" Достоевского

- **Brauner, Klara.** Berlin: Verlag von Th. Knauer Nachf., s.a. [1901]
- **Brauner, Klara.** Berlin: Ladyschnikow Verlag, s.a.
- **Brauner, Klara.** Wien/Leipzig, 1908.
- **Candreia, Rebeka.** Zürich: Manesse, 1951.
- **Geier, Swetlana.** Zürich: Amman Verlag. Dritte Auflage, 1996.
- **Guenther, Johannes von.** Olten/Freiburg i. Breisgau: Walter, 1956.

- **Herboth, Hartmut.** Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag GmbH. In: Dostojewski, Sämtliche Romane und Erzählungen 1-11. Erste Auflage, 1994 (впервые перевод опубликован в 20-томном издании произведений Достоевского в 1986 г.).
- **Herzog, Rose:** Wien/Hamburg/Zürich: Gutenberg-Verlag. In.: Dostojewskis ausgewählte Werke. Hrsg. J. Lesowsky, s.a. [1925]
- **Herzog, Rose.** Leipzig: Verlag Deutsche Buchwerkstätten GMBH. In.: Dostojewskis ausgewählte Werke. Hrsg. J. Lesowsky, s.a.
- **Hoerschelmann, H.** Berlin: Deutsche Buch-Gemeinschaft GMBH. In.: “Epikon”. Eine Sammlung klassischer Romane. Hrsg. E.A. Rheinhardt, s.a. [1932]
- **Jarcho, Gregor.** Berlin: Deutsche Buchgemeinschaft, 1931.
- **Luther, Arthur.** München: Winkler-Verlag, 1959.
- **Rahsin, E.K.** München: Piper, 1910.
- **Rahsin, E.K.** München: Piper, Sechste bis achte Auflage, In: F.M. Dostojewski: Sämtliche Werke, I/III, IV. Hrsg. M. van den Bruck, unter Mitarbeit von D. Mereschkowski, 1915.
- **Rahsin, E.K.** München: Piper. In: F.M. Dostojewski: Sämtliche Werke, I/III, IV. Hrsg. M. van den Bruck, unter Mitarbeit von D. Mereschkowski, 1920.
- **Rahsin, E.K.** Zürich: Büchergilde Guteberg, 1959.
- **Röhl, H.** Leipzig: Insel-Verlag, s.a. [1923]
- **Röhl, H.** Gütersloh: C. Bertelsmann Verlag, s.a.
- **Röhl, H.** Moskau: Progress. Nachdruck der im “Aufbau-Verlag Berlin und Weimar” erschienen Übersetzung von H. Röhl), s.a.
- **Scharfenberg, Friedrich.** Minden: Bruns, 1922.
- **Scholz, August.** Berlin: Verlag von Bruno Cassirer, s.a.
- **Urban, Nora.** Klagenfurt: Kaiser 1968 (в сокращении).
- **Walter, Reinhold von.** Berlin: Propyläen, 1925.
- **Wasserbauer, Arnold.** (durchges. von I. Tönnies). Wiesbaden/Berlin: Vollmer, 1961.

Dmitrij Dobrowol'skij

Parallel text corpora as an instrument for analysing literary translation

In this paper, a parallel Russian-German text corpus is presented. It is based on Dostoevskij's “Idiot” of which there are some twenty translations into German. In the parallel corpus a digital version of the Russian source text is aligned at the sentence level with its German translations. I concentrate on specific linguistic features of this novel. On the basis of some translations of “The Idiot” into German, I suggest some ways for analysing various translation strategies. My working hypothesis can be formulated as follows: Every literary text reveals so-called “sensitive points” – linguistic structures which are very unlikely to be translated literally into another language. In such a case, the translator has the choice between a “strange” version (understandable, but violating some usage conventions of the target language) and a “deviating” version (accepting the relevant usage conventions of the target language, but widely departing from the linguistic structure used in the original). It is assumed that sensitive points of this kind can be used for diagnosing the preferred translation strategy. I suggest that the following linguistic structures can be considered sensitive points: 1. Non-standard use of lexical items, violation of common combinatorial principles; 2. Irregular syntactic constructions; 3. The author's favourite lexical items; 4. Restricted collocations and typical lexical cooccurrences; 5. Idioms and conventional metaphors; 6. Innovative metaphors

introduced by the author; 7. Culture-specific elements, such as proper names, titles, forms of address and alike.